

УДК 321.02

А. А. Балаян, Л. В. Томин

АКТОРНО-СЕТЕВАЯ ТЕОРИЯ В КОНТЕКСТЕ ДИСКУССИЙ ОБ ИДЕОЛОГИИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОНТОЛОГИИ

88

Цель исследования – рассмотреть возможность применения акторно-сетевой теории (АСТ) к политическим процессам. Анализируется критика Б. Латуром традиционных политологических и социологических подходов к пониманию политического и исследованию различных сфер через призму идеологии и интереса. Исходные предпосылки и основные аргументы акторно-сетевой теории сравниваются с постмарксистской концепцией гегемонии Э. Лаклау и Ш. Муффа. Делается вывод об ограниченной возможности практического применения АСТ по причине отсутствия в предлагаемых ее создателями концепциях инструментария политического действия.

The aim of this research is to consider the possibility of applying actor-network theory (STS) to political processes. The authors analyze B. Latour's criticism of the traditional political science and sociological approaches to the understanding of different spheres through the prism of ideology and interest. The initial assumptions and main arguments of the actor-network theory are compared with the post-Marxist theory of hegemony by E. Laclau and C. Mouffe. The conclusion draws attention to the limited possibilities of the practical application of STS since it lacks instruments of political action.

Ключевые слова: Б. Латур, акторно-сетевая теория, идеология, гегемония, Э. Лаклау.

Key words: B. Latour, actor-network theory, ideology, hegemony, Laclau.

В последние годы в социальных науках появилось несколько теоретических направлений, претендующих на пересмотр существующих проблемных полей и базовых концептуальных оппозиций. Это, прежде всего, спекулятивный реализм [9, с. 21 – 36, 50 – 70] и объектно-ориентированная онтология [5, с. 44 – 54, 136 – 141]. Хотя авторы, относимые к данным направлениям, в отдельных вопросах не согласны друг с другом, но у них есть *конституирующий другой* – то, от чего они отталкиваются и с чем ведут полемику.

Для спекулятивного реализма и объектно-ориентированной онтологии важно вернуться к материальному, их не устраивает доминирование дискурсивно-ориентированных подходов. К. Мейясу видит основную задачу в преодолении корреляционизма, рассматриваемого как невозможность непосредственной связи бытия и мышления. Он полагает, что этот разрыв стал особенно очевиден после философии И. Кан-

та. Субъект не имеет прямого доступа к внешней реальности и не может непосредственно высказываться о ней; его доступ к бытию всегда чем-то скоррелирован, например языком или сознанием [4, с. 11 – 15].

Во французской и континентальной философии в целом подобный тезис явным образом отвергает постструктурализм, деконструкцию и другие направления, в центре рассмотрения которых находится язык. Поэтому реальность должна быть осмыслена как существующая независимо от сознания или дискурсивных практик. Для основателя объектно-ориентированной онтологии Г. Хармана главное – дезавуировать оппозицию «субъект – объект» и лишить человека онтологического приоритета, помыслив его как обычный объект среди других.

В данной статье нас больше интересует не вышеозначенные направления, а один из элементов их генеалогии. Сам Г. Харман, помимо философа М. Хайдеггера, указывает на фигуру социолога науки Б. Латюра [6, с. 21 – 26], который вместе с М. Каллионом и Дж. Ло основал исследовательскую программу *Science and Technology Studies (STS)*. Возникнув изначально в рамках социологии науки, программа Б. Латюра и его коллег со временем расширяла поле своего применения и давала новый инструментарий для антропологии, философии, социологии общества и экологии.

Сами теоретики STS долгое время не обращались к политическим процессам, но несколько лет назад Г. Харман [10] попытался эксплицировать основные теоретические постулаты, осмыслить их в контексте политической проблематики и показать, как теория Б. Латюра дает исследователям новые основания для анализа политических процессов вне традиционных понятий и линий разделения. Г. Харман назвал это объектно-ориентированной политикой [9, p. 172 – 189].

Работы Б. Латюра можно отнести к ряду новых теорий, объединенных «плоской онтологией» (*flat ontology*), в ее рамках не существует оппозиции «субъект – объект», а природное, социальное и технологическое находятся на одной плоскости. В работах акторно-сетевой теории (АСТ) это называется принципом ирредукции. Б. Латюр отвергает наделение одной из сфер (например, социального) онтологическим приоритетом, позволяющим объяснять динамику остальных. Подобный подход, если его спроецировать на социологию, ставит под сомнение всю традицию, идущую от Э. Дюркгейма с его принципом социологизма.

Б. Латюр в своих работах проблематизирует и многие базовые понятия (например, «общество»), концептуальные оппозиции («социальное – технологическое», «природа – культура», «внутренне – внешнее», «макропроцессы – микропроцессы»). Можно рассмотреть основные принципы его подхода на примере работ, посвященных Л. Пастеру [2].

Стратегия Л. Пастера дает возможность одновременно проанализировать механизмы признания в науке различных концепций и поставить под вопрос привычное понимание политики. В рамках АСТ главное – это выявить конфигурацию сети, позволяющую одному или нескольким акторам трансформировать исходную ситуацию и сделать себя «точкой доступа», с помощью которой остальные становятся ближе к решению той или иной задачи. Это необходимо, поскольку не су-

ществует заранее данных, в явной либо неявной форме, интересов социальных групп или классов. Подобный тезис сразу порывает с традиционной социологической логикой и «герменевтикой подозрения», нацеленной на поиск под поверхностью явлений глубинных детерминант. Автор данного термина П. Рикер полагал, что «герменевтика подозрения» как общая интенция объединяла в XX в. многих последователей К. Маркса, Ф. Ницше и З. Фрейда.

Б. Латур отмечает:

Врожденным недостатком социологии науки является ее предрасположенность искать явные политические мотивы и интересы в одном из тех мест (то есть в лаборатории), где зарождаются еще как таковые непризнанные истоки новой политики [2, с. 18].

В связи с этим важно понять, как акторы присоединяются к сети. Б. Латур называет эту процедуру *переводом*. «Победу одерживает тот, кому удастся перевести на свой язык интересы других людей», — подчеркивает Б. Латур [2, с. 4]. Что и осуществлял Л. Пастер сначала в отношении фермеров, ветеринаров и медиков, а затем публики и, наконец, властей разного уровня. В его стратегии есть «точка опоры» — лаборатория. Она позволяет выявить причину болезней — микробы, становится местом, где ими можно управлять, и, доказав свою эффективность, модель лаборатории распространяется, давая Л. Пастеру инструмент контроля. Каждый, кто хочет решить свою проблему, должен пройти через его лабораторию. Анализируя стратегию Л. Пастера, Б. Латур дезавуирует традиционные концептуальные оппозиции «внутреннее — внешнее», «макропроцессы — микропроцессы», поскольку они в данной ситуации уже не работают.

В АСТ под словом «сеть» понимают следующее:

...Связанный ряд действий, каждый участник которых рассматривается как полноценный посредник. Хороший с точки зрения АСТ отчет — это нарратив, или описание, или высказывание, в котором все акторы не сидят сложа руки, а что-то делают. Каждая точка в таком тексте может стать точкой бифуркации, событием или источником нового перевода — вместо того, чтобы переносить эффекты, не трансформируя их [1, с. 181].

Так понимаемая сеть является принципом связи акторов, а не организационной моделью и поэтому может включать в себя по-разному устроенные типы акторов — как иерархические структуры, так и гибридные и горизонтально-сетевые.

Для Б. Латура теряют свое значение многие политические понятия и линии разделения (идеологическое различие «левое — правое»). Г. Харман, пытаясь эксплицировать политическую философию Б. Латура, считает, что в рамках АСТ предыдущие модусы существования политики можно обозначить как «политика истины» (*truth politics*) и «политика силы» (*power politics*). Каждый из модусов имеет условно левую и правую версию [10, р. 1–5].

«Политика истины» противопоставляет знание (*knowledge*) невежеству (*ignorance*). Левая революционная версия видит людей равными и

обладающими неотчуждаемыми правами. Если равенство или индивидуальные права и свободы отсутствуют либо значительно ограничены, причина этого видится во внешней силе (случайные исторические события, идеологическое подчинение правящему классу). В такой ситуации левая версия выдвигает идею группы-авангарда, способной просветить и освободить угнетенные массы.

Правая версия «политики истины» строго элитистская, она утверждает, что управлять обществом должны философы или эксперты, возвышающиеся благодаря своим знаниям над массами. Как пример такого понимания можно привести интерпретацию идей Л. Штрауса как эзотерического философа элиты [11, р. 232–233].

«Политика силы» — это борьба за власть, в рамках которой над политикой нет никакой трансцендентной инстанции. Левая версия, согласно Г. Харману, похожа, с одной стороны, на политику идентичности (*identity politics*) в ее трактовке интеллектуалами-постмодернистами, с другой — на анархическую идею бесконечной креативности желания, которое не должно и не может быть ничем ограничено.

Правая версия восходит к Т. Гоббсу и его страху, что любая апелляция к трансцендентной инстанции, находящейся над политикой, будь то религия или наука, спровоцирует гражданскую войну, поскольку сама возможность существования такой инстанции ослабляет власть «левиафана». Сходную правую версию «политики силы» можно обнаружить в работах К. Шмитта, где сама сущность политического понимается через оппозицию «друзей — врагов», которая особенно проявляется в ситуации чрезвычайного положения, когда между ними идет смертельная битва [10, р. 3].

Политическая философия предлагает достаточно интересный новый подход. В практическом применении акторно-сетевой теории в современных политических условиях Б. Латур и его коллеги выдвигают в качестве единственного предложения новую экологическую политику. Причем это не столько предложение, сколько новый взгляд на проблему [14, р. 9–32]. С точки зрения абстрактной теории концепция Б. Латура интересна, но не дает ответа на большинство политических, экономических и социальных проблем современности, не предлагает реального инструментария для политического действия. Какие организационные формы может или должна принять борьба за экологию? Это дело политических партий (старого или нового типа) или социальных движений?

Важная проблема подхода Б. Латура — имплицитный элитизм, выраженный в выделении особой касты носителей знания, которые должны распространить его на весь остальной мир. Специфический терминологический аппарат Л. Пастера и его коллег переводится на язык фермеров не для того, чтобы упростить его для просвещения, а с целью диффузии модели лаборатории и ее продукта (вакцины) и тем самым включения в сеть нового сегмента — сельского хозяйства. Задачи адаптации к уровню обыденного сознания у Л. Пастера нет. Более того, подобный подход в системе координат Б. Латура был бы с прагматической точки зрения контрпродуктивен, ведь «чтобы вакцина была эф-

фактивна, ей необходимо распространиться повсюду» [2, с. 15]. Именно через подобные практики Б. Латур пытается преодолеть дихотомию «внутреннее – внешнее».

Представляется интересным сравнить прагматический подход политической теории Б. Латура с концепцией гегемонии у постмарксистских авторов Э. Лаклау и Ш. Муфф. Поскольку именно традиционный марксистский подход – с его экономическим детерминизмом и представлением о существовании объективных интересов класса – среди прочего отвергается теоретиками АСТ как устаревший.

В традиции гегельянского марксизма Г. Лукач считал, что идеология является феноменом ложного сознания, не позволяет эксплуатируемому классу осознать свои истинные, или объективные, интересы. Подобный подход неоднократно подвергался критике [3, с. 206–214], поскольку в нем подразумевается существование некоей инстанции (например, партии), обладающей знанием о «реальных» интересах класса. Естественно, возникает проблема принуждения со стороны власти и формирования недемократической модели партии или государства.

В 1970-е гг. Л. Альтюссер и его последователи попытались переформулировать марксистский взгляд на идеологию, отказавшись от подхода к ней как к ложному сознанию [7, р. 253–266]. Э. Лаклау и Ш. Муфф, считая работы Л. Альтюссера важными, все же полагали, что они остались в рамках экономического редукционизма, поскольку продолжали рассматривать идеологию как эпифеномен процессов производства и классовой борьбы.

Э. Лаклау в своих работах 1970-х гг. критиковал марксистов за узкоклассовый подход, не позволявший осмыслить феномен народно-демократической борьбы средних слоев или популизма в странах периферийного капитализма [12, р. 100–115]. Поскольку средние слои фрагментированы и не так тесно включены в процессы производства, их идеологическая идентичность является результатом борьбы за гегемонию и артикуляцию интересов между буржуазией и пролетариатом. Отдельные элементы идеологии (национализм, милитаризм) не могут быть выведены напрямую из положения индивида или группы в классовой структуре общества – они нейтральны, поэтому за их артикуляцию ведется борьба. Несмотря на некоторый отход от традиционного марксизма, Э. Лаклау в 1970-е гг. признает детерминацию политического процесса в целом классовой борьбой.

В дальнейшей эволюции позиции Э. Лаклау важную роль сыграли дискуссии о наследии А. Грамши, особенно сборник, вышедший под редакцией Ш. Муфф [8]. Концепция гегемонии А. Грамши отделялась от экономической детерминации и становилась дискурсивной борьбой за артикуляцию «плавающих означающих» (демократия, нация, справедливость, равенство). Все идентичности (индивидуальные и коллективные) являются дискурсивными конструктами, и задача идеологической борьбы – дезартикулировать элементы, связывающие средние слои с буржуазией, и реартикулировать их для создания прогрессивного исторического блока с участием рабочего класса.

Позже в совместной книге Э. Лаклау и Ш. Муфф [13] идут еще дальше в пересмотре марксизма – теперь в подходе к акторам возмож-

ных политических изменений. Марксисты традиционно подчеркивали особую роль пролетариата в трансформации общества. Одни видели в этом историческую миссию и универсальную роль пролетариата, другие выводили его особое место из структурного положения в процессе производства. Э. Лаклау и Ш. Муфф считают, что ни одна из социальных групп не может претендовать на место универсального субъекта [13, р. 151–153]. Универсальное априори является пустым, а процесс политической борьбы в разные периоды и в разном контексте лишь на время выдвигает на место универсального одну из групп, чьи требования становятся «точкой сборки» для общей борьбы. Например, в рамках борьбы против коммунистического режима в Польше рабочий профсоюз «Солидарность» стал выразителем чаяний многих групп, ведущих борьбу за демократию.

Постмарксистская концепция гегемонии Э. Лаклау и Ш. Муфф исходит из многих постулатов, близких акторно-сетевой теории Б. Латура. Обе теории появились в 1980-е гг. в период отсутствия научного и политического интереса к исследованию идеологии в традиционном понимании. Их объединяет критика эссенциализма: у Б. Латура это приводит к отказу от категории социального, а Э. Лаклау и Ш. Муфф пытаются решить данную проблему, показав дискурсивно сконструированный характер политических и экономических идентичностей и институтов. В АСТ утверждается своеобразная демократия объектов: акторностью обладают не только индивиды и социальные группы, но и вещи. Постмарксистская концепция гегемонии выстраивает классовые, этнические, гендерные и другие идентичности на одной плоскости, лишая какую-либо группу приоритетного статуса в эмансипаторной политической борьбе.

Оба подхода имеют свои сильные и слабые стороны, объективистская и прагматическая концепция Б. Латура не оставляет места для критики различных политических, экономических и социальных проблем. Возможно, поэтому его часто обвиняют в макиавеллистском отношении к политическим процессам, когда значение имеет лишь одно — кто и как достиг победы. Дискурсивная концепция идентичности и институтов Э. Лаклау и Ш. Муфф, предложив множество интересных тезисов, опасно близко подошла к пантекстуализму, в рамках которого политика редуцируется до дерридианской деконструкции.

Список литературы

1. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014.
2. Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. 2002. №5–6 (35). С. 211–242.
3. Льюкс С. Власть. Радикальный взгляд. М., 2010.
4. Мейясу К. После конечности: эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург ; М., 2016.
5. Харман Г. Четвероякий объект: метафизика вещей после Хайдеггера. Пермь, 2015.

6. Харман Г. Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда // Логос. 2017. №3. С. 1–34.
7. Althusser L. On The Reproduction Of Capitalism: Ideology And Ideological State Apparatuses. Verso, 2014.
8. Gramsci and Marxist Theory / ed. Ch. Mouffe. Routledge & Kegan Paul, 1979.
9. Gratton P. Speculative Realism: Problems and Prospects. Bloomsbury, 2014.
10. Harman G. Bruno Latour: Reassembling the Political. Pluto Press, 2014.
11. Harvey I. The Rhetoric of Esotericism: The Challenge to Deconstruction // in Law and Semiotics / ed. R. Kvelson. Plenum Press, 1987.
12. Laclau E. Politics and Ideology in Marxist Theory. Verso, 2012.
13. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. Verso, 2013.
14. Latour B. Politics of nature: how to bring the sciences into democracy. Harvard University Press, 2004.

Об авторах

Александр Александрович Балаян — канд. полит. наук, доц., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.
E-mail: alexandr1138@mail.ru

Леонид Владимирович Томин — канд. полит. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.
E-mail: leopolit@yandex.ru

The authors

Dr. Alexander A. Balayan, Associate Professor, Science National Research University Higher School of Economics, Russia.
E-mail: alexandr1138@mail.ru

Dr. Leonid V. Tomin, Associate Professor, Saint Petersburg State University, Russia.
E-mail: leopolit@yandex.ru